

Б. Суворин

Фазан

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б11

Б11 **Б. Суворин**
Фазан / Б. Суворин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 268 с.

ISBN 978-5-519-19157-9

Репринтное издание по технологии print-on-demand.

ISBN 978-5-519-19157-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

войнѣ. Онъ сѣлъ и закурилъ. Подъ нимъ былъ глубокій ровъ и на другой сторонѣ высокія деревья.

Набѣжало облако, подулъ вѣтерокъ и зашумѣли осеннимъ шумомъ деревья. Луна вновь разогнала завѣсу и освѣтила, плавно, какъ аэропланъ, спускавшіеся въ ровъ, большіе листья клена...

На башню запрещено подыматься (но что запрещено въ одиннадцатомъ часу вечера?), и Вересковъ взобрался на нее. Напротивъ было кладбище и вправо внизъ уходили старыя стѣны. «Какъ у насъ въ Изборскѣ или Копорѣ», — думалъ онъ.

«Да, но завтра, что будетъ завтра?», и онъ посмотрѣлъ на бѣлое полотнище шоссе, идущее въ Парижъ.

Вотъ завтра по этому шоссе должна она пріѣхать, и онъ испугался за свой любимый Provins, за эти стѣны, за св. Кирьяка и Айуля. А вдругъ вся эта обстановка ничего не скажетъ? Ничего не останется кромѣ сомнительной сантиментальности и щелканія затворомъ Кодака.

Глупо устраивать обстановку да при этомъ средне-вѣковую съ башнями, рвами, старыми церквями... Точно нужна декорация. И онъ вспомнилъ послѣднюю встрѣчу въ хорошемъ переполненномъ барѣ.

«Un royal, un! Un imperial, un!» кричали кассиршѣ лакеи въ бѣлыхъ пиджакахъ.

Да, тамъ было гораздо естественнѣе, а эти рвы и средне-вѣковыя да, можетъ быть, плохой обѣдъ въ старой гостиницѣ покажутся ненужной фальшью. Ему сдѣлалось стыдно за старый декоративный Provins и захотѣлось уйти поскорѣе «отъ этого кинематографа».

Онъ живо спустился съ башни. Какой то звѣрекъ шелестнулъ по опавшимъ листьямъ, и вновь нашла туча.

Декорация пропала, и онъ заторопился домой въ

свой номеръ, къ своимъ мыслямъ. Стѣны и башни ушли въ темноту, онъ выбрался на площадь и по лѣстницѣ, торопясь, сталъ спускаться въ тихій городокъ, когда уже начинался дождь.

Небо быстро заволокло и улицы были мокрые. Мелкій осенній безнадежный, на этотъ разъ, дождь поливалъ узкія улицы и скучные темные дома. Незамѣтно Вересковъ ускорилъ шаги.

— Я люблю дождь, люблю его тихую грусть. Но опять мысль о томъ, что будетъ завтра?

Дождь, тоска въ старомъ городѣ, никуда не пойти и сидѣть въ этой скучнѣйшей гостиницѣ.

Нѣтъ, это, дѣйствительно, было глупо и совершенно не нужно. Въ лучшемъ случаѣ придется разыгрывать роль влюбленнаго Куковского гида..

— Я васъ люблю, а вотъ эта церковь построена при Робертѣ, герцогѣ Шампанскомъ, и вотъ въ этой башнѣ сидѣлъ Дюгекленъ, хотя я знаю, что все это вамъ скучно.

Все это необычайно и глупо и пошло. Впрочемъ, если такая погода будетъ, то они не пріѣдутъ, и это будетъ къ лучшему.

Онъ вошелъ въ гостиницу съ пріѣхавшими съ послѣднимъ поѣздомъ. Толстый комми-вожатеръ, который закрылъ зонтикъ чуть ли не въ самой передней, говорилъ съ сонной дѣвушкой.

— У насъ есть одна комната, но дорогая. Всѣ остальные заняты.

— Этого не хватало — подумалъ Вересковъ, — и комнатъ не будетъ. Какъ все я глупо выдумалъ.

И вдругъ мысль, которой онъ улыбнулся, пронеслась въ мозгъ.

— А можетъ быть, такъ лучше. Ничего не выйдетъ — разочарованіе и больше ничего. Можетъ быть, это лучше. Вѣдь все относительно, и не будетъ осложненія жизни, и будетъ тишина.

По коридору онъ шелъ почти довольный. У одной изъ дверей стояли дамскіе башмаки и мужскіе. Онъ вспом-

нили объдавшихъ сегодня и подумалъ «Ахъ да, эта влюбленная пара».

Какъ глупо, какъ пошло, и какое мнѣ до этого дѣло и, снимая башмаки и ставя ихъ у дверей, онъ вдругъ подумалъ, что и около его башмаковъ могли бы стоять другіе. Нѣтъ, спать скорѣе. Онъ зажегъ свѣчку, выпилъ стаканъ вина потрогалъ свои бумаги, раздѣлся, легъ, всталъ, взялъ книгу, вспомнилъ, что не закрылъ ставень, опять всталъ и открылъ окно.

Дождь переставалъ или собирался опять пойти, но луна, уже перешедшая за башню, опять показалась.

Да, завтра!

Дѣйствительно, что будетъ завтра? Дождь или прекрасная погода, солнце или тоска на фонѣ декораціи?

«Глупый кинематографъ», еще разъ подумалъ онъ и опять вспомнилъ башмаки у дверей.

Книжка упала на полъ. Съ высокой кровати ея было не достать.

— Богъ съ ней. Спать! Завтра видно будетъ.

Глава II.

Верескову не особенно спалось. Всталъ онъ рано, раньше молодого блестящаго капитана драгунскаго полка, жившаго всегда въ гостиницѣ. Въ коридорѣ онъ встрѣтилъ вѣстового съ парой желтыхъ, хорошо начищенныхъ высокихъ сапогъ на колодкахъ.

«Такъ, такъ», чуть не сказала Вересковъ, «да здравствуетъ демократія, неси барину сапоги.»

И ему это показалось смѣшнымъ, какъ и торжественные сапоги въ рукахъ этого большаго солдата, осторожно передвигавшаго свои большія ноги со шпорами, чтобы не разбудить тѣ «номера», гдѣ еще были выстроены туфельки и башмаки передъ дверями.

Внизу еще только убирали комнаты. Онъ вышелъ на улицу, купилъ мѣстныя газеты, поливавшія друга друга политической грязью, и пошелъ къ вокзалу.

Buvette de la Gare открывается раньше другихъ, и тамъ же можно купить табаку и выпить кофе, тамъ же раньше другихъ можно получить газеты Парижа.

Онъ вдругъ вспомнилъ своего московскаго друга, дѣловаго человѣка, любившаго, какъ и онъ «погулять». Тотъ рассказывалъ ему, что старый лакей Англійскаго клуба, подливая ему шампанскаго изъ лишней, съ его точки зрѣнія, бутылки, почтительно шепталъ ему:

— То-ли вы дѣлаете, Иванъ Сергѣевичъ?

— То ли вы дѣлаете, Сергѣй Николаевичъ?.. спрашивалъ себя Вересковъ, идя по маленькимъ улицамъ. Какъ всегда, онъ остановился, чтобы полюбоваться на

маленькую рѣченку, бѣжавшую между домами. Подъ ихъ первымъ этажемъ были устроены какъ бы балкончики на уровнѣ чистой воды быстрой Вульзи, гдѣ гражданки Провэна, стоя на колѣняхъ, мыли бѣлье.

Какъ только вспомнилась Москва, вспомнилось и то, почему онъ сейчасъ въ Провэнѣ...

Это было передъ войной. Въ то счастливое время, которымъ русскіе люди не дорожили и пропускали между пальцевъ, какъ будто такъ и нужно было, какъ будто эта рѣка безопасности никогда не могла изсякнуть.

Было время, когда Вересковъ съ необычайной вѣрой въ жизнь и въ свое счастье любилъ Москву, хотя и былъ кореннымъ петербуржцемъ.

— Въ Москву пріятно уже по одному тому ѣздить, что она лежитъ на Николаевской желѣзной дорогѣ — говорилъ онъ, подразнивая своихъ московскихъ друзей.

— Ну, а Петербургъ?

— Петербургъ другое дѣло, Николаевская дорога начинается въ Петербургѣ, а не въ Москвѣ.

И вотъ въ своихъ дѣловыхъ поѣздкахъ онъ какъ то встрѣтилъ очень милаго нѣмецкаго москвича Франкенталя, фонъ Франкенталя, барона Франкенталя. Кто его знаетъ, былъ ли онъ просто Франкенталемъ или барономъ? Нѣкоторыя дѣвушки отъ «Яра» звали его «барошей», другія просто Франчикомъ, хотя онъ былъ не Франць, а Бернардъ Францевичъ Франкенталь. Черезъ всю правую щеку, немного задѣвая и ухо и носъ, шель благородный шрамъ, доказательство его честнаго студенчества. Сходились съ нимъ охотно и легко, даже съ кѣмъ-то онъ дрался на дуэли подъ Москвой, откуда вернулся пьяный со своимъ легко раненымъ противникомъ. Онъ былъ «въ дѣлахъ». И по шампанскому, и по большимъ электрическимъ обществамъ. Не чуждъ былъ и мелкихъ дѣлъ.

Когда въ «Эрмитажѣ» или «Прагѣ» онъ устраивалъ

дѣловые завтраки своимъ нѣмецкимъ патронамъ, громко смѣявшимся и пившимъ много водки, онъ, нашъ элегантный Франкенталь — съ нѣкоторой томностью въ глазахъ подходилъ къ столику своихъ русскихъ друзей и говорилъ: «Сегодня везу своихъ элѣфантовъ въ «Стрѣльну», прїѣзжайте.»

И, дѣйствительно, тогда подъ его руководствомъ элѣфанты гуляли, а «Франчикъ» уговаривалъ цыганокъ, венгерокъ, просто дѣвушекъ aus Riga «нажигать» своихъ патроновъ.

«Патроновъ не жалѣть», повторялъ онъ, уже многимъ надоѣвшую фразу.

И вотъ въ одинъ прекрасный день Вересковъ, прїѣхавъ въ «Эрмитажъ» послѣ долгой отлучки изъ Москвы, увидѣлъ барона, сидѣвшаго скромно за столикомъ съ очень хорошенькой брюнеткой. Это было потому удивительно, что Франкенталь, какъ честный нѣмецъ, терпѣть не могъ впутывать свои увлеченія въ свои дѣла, — а «Эрмитажъ» было чѣмъ то въ родѣ его конторы.

— Должно быть, сидитъ съ чужой дамой, — подумалъ Вересковъ, но въ это самое время къ нему подошелъ метръ д'отель Александръ Николаевичъ и разсѣялъ всѣ сомнѣнїя.

Александръ Николаевичъ былъ необыкновенный человекъ. Былъ онъ строгъ и почтителевъ съ нѣкоторымъ оскорбительнымъ снисхожденїемъ. Вересковъ никогда не могъ забыть того, какъ разъ онъ благодарилъ его за прекрасно устроенный завтракъ, и какъ тотъ холодно, и не улыбаясь, отвѣтилъ: «наша фирма передъ вашими расходами не останавливается». За эту почтительную наглость его, вѣроятно, и любили.

Александръ Николаевичъ, подойдя къ столику, поправилъ салфетку, переставилъ на другой столъ бокаль съ цвѣткомъ, попробовалъ, хорошо ли, стоитъ столъ и, внутри сгорая отъ нетерпѣнїя, склонившись и прикрываясь карточкой, почти прошепталъ:

— Баронъ то нашъ,—милліонеръ и женился. Медовый мѣсяцъ справляетъ. Видѣли?

Франкенталь не видѣлъ Верескова и былъ занятъ разговоромъ со своей молодой женой. Она была очень хорошенькая, вороненькая, какъ мысленно сказалъ Вересковъ, съ немного птичьимъ профилемъ. Въ нѣсколько пріемовъ Александръ Николаевичъ объяснилъ Верескову, что Франкенталь получилъ громадное наслѣдство, открылъ свое дѣло и на дняхъ женился въ Ригѣ на «этой барышнѣ».

Кто она, неизвѣстно. Одни говорятъ — шведка, другіе норвежка. «А я таки думаю, что не безъ еврея», добавилъ Александръ Николаевичъ.

Это показалось непріятнымъ Верескову, и онъ не сочувственно посмотрѣлъ на него.

— Что-жъ, Сергѣй Николаевичъ, — неожиданно сказалъ Александръ Николаевичъ съ каменнымъ лицомъ — всѣ подь Богомъ ходимъ.

Это было однимъ изъ трюковъ Александра Николаевича, и Вересковъ весело засмѣялся.

Впереди были бѣга. Погода была чудная, морозная, послѣ 2-хъ мѣсяцевъ заграницей и удачныхъ дней въ Питерѣ, послѣ прекрасной ночи въ вагонѣ, онъ чувствовалъ себя бодрымъ, веселымъ и искалъ, съ кѣмъ подѣлиться этимъ чувствомъ.

Недалеко отъ столика Франкенталья сидѣлъ его пріятель по Москвѣ, мрачный Туровъровъ. Вересковъ пошелъ къ его столику.

Навстрѣчу къ нему поднялся немного взволнованный Франкенталь. Когда онъ волновался его ширямъ дѣлался бѣлымъ.

— Вересковъ, я тебя представляю своей женѣ, — тихо сказалъ онъ — но я, честное слово, женатъ.

Вересковъ чуть не засмѣялся, но чтобы извести нѣм-

ца, сказалъ такъ же тихо: «ладно, ладно» и подошелъ къ очаровательной Франкенталь.

— Мой старый пріятель, Сережа Вересковъ, сказалъ онъ, — и какъ всѣ мои пріятели прекрасный и безпутный малый.

Вересковъ поцѣловалъ руку и замялся. Мадамъ Франкенталь смотрѣла на него молча, точно что то вспоминая. Она была совсѣмъ молоденькая, лѣтъ девятнадцати-двадцати, а Франкенталю было подѣ сорокъ. Казалось, что ей немного жутко было среди всѣхъ этихъ взрослыхъ «милыхъ и безпутныхъ мальхъ».

Нѣсколько ненужныхъ словъ и поздравленій, и Вересковъ отошелъ къ Туровѣрову, и позвалъ его къ своему столу. Этотъ мрачный человѣкъ, который всегда посѣщалъ всѣ мѣста, гдѣ веселятся, зналъ все, что дѣлается въ Москвѣ, а Вересковъ за эти три мѣсяца совсѣмъ забылъ Москву.

Какъ всегда нехотя, не вынимая салфетки изъ за жилета, Туровѣровъ послѣдовалъ къ столику Верескова.

— Ну, рассказывай.

— Что?

— Кто съ кѣмъ живетъ? Кто съ кѣмъ разошелся? Какіе крахи, кто выигралъ и главное, съ кѣмъ теперь Катя?

— Все это глупо — отвѣчала Туровѣровъ. — Во первыхъ, Катя все время со своимъ евреемъ, и это слѣдовало бы знать, такъ какъ онъ купилъ ей дачу въ Петровскомъ паркѣ съ зимнимъ садомъ и фазанами.

— Какъ съ фазанами?

— Да. Зимній садъ и въ немъ клѣтка съ фазанами, бѣлыми и другими. Купилъ у Хитровыхъ, которые разорились, или тамъ что такое въ этомъ родѣ. Я живу... но это тебѣ не интересно.

Въ это время, любезно скользя, подходилъ Франкенталь.

— Сережа, поѣдемъ на бѣга, у меня ложа, и я хочу

прокатить Сонечку на тройкѣ на бѣга. Дорога чудная.

— Ангелъ мой, днемъ на тройкѣ! Ужъ очень это по нѣмецки. Пошли за автомобилемъ,—отвѣтилъ Вересковъ. — Почему такая торжественность?..

— За пустякомъ дѣло не станетъ, и, если ты хочешь, поѣдемъ на моемъ автомобилѣ, только поторопись.

— Нѣмецъ изъ ума выжилъ, мрачно сказала Туровѣровъ. Получилъ наслѣдство отъ какой то австрійской бабушки, принялъ австрійское подданство и католичество, нашелъ гдѣ то свою цацу не въ то въ Краковѣ, не то въ Будапештѣ и теперь не знаетъ, что выдумать.

— Какъ же мнѣ Александръ Николаевичъ сказалъ, что она изъ Риги?

— Нѣтъ, но вѣнчались они почему то въ Ригѣ, такъ какъ тамъ сидитъ какой то смальгольмскій баронъ, который не то удочерилъ ее, не то жилъ съ ней, такъ же мрачно продолжалъ Туровѣровъ.

— Какая гадость, какъ тебѣ не стыдно, она такая молоденькая и такая хорошенькая.

— А ты думаешь, что бароны живутъ со старенькими и уродливыми? Глупъ ты братъ, какъ и твой нѣмецъ.

Но Франкенталь уже звалъ его, и Вересковъ, весело простившись съ Туровѣровымъ, поспѣшилъ къ выходу.

— Автомобиль барона Франкенталя!.. звонко на морозѣ крикнулъ швейцаръ въ поддевки. Шурша шинами по морозному снѣгу, подошелъ автомобиль. Шофферъ былъ бритый, автомобиль сверкалъ даже слишкомъ, какъ будто изъ окна магазина, мадамъ Франкенталь закуталась въ мѣха, а самъ Франкенталь въ дохѣ поверхъ осеняго пальто, сѣлъ за руль.

— Съ Богомъ, сказалъ швейцаръ..

Вересковъ сидѣлъ рядомъ съ этой таинственной молодой женщиной и украдкой смотрѣлъ на нее. Она какъ будто давала возможность себя осматривать.

При выѣздѣ на Тверскую, когда изъ за неудачнаго

поворота Франкенталя, автомобиль закинуло, она схватилась за руку Верескова и улыбнулась.

— Вы очень вѣрите своему мужу,—сказалъ Вересковъ, если позволяете ему править автомобилемъ.

Она разсмѣялась и внимательно посмотрѣла на него.

— Я ему очень вѣрю, и вамъ буду вѣрить, если вы никому не скажете, что мы съ вами раньше встрѣчались. Дайте слово, — сказала она совсѣмъ тихо. Вересковъ былъ глубоко убѣжденъ, что никогда ея не видѣлъ, хотѣлъ было это сказать, но тихонько пожалъ ея пальцы въ теплыхъ перчаткахъ и сказалъ: «Вѣрьте мнѣ».

И сейчасъ же на быстромъ ходу автомобиля, закружились у него неясныя мысли.

— Начало романа... Нѣмецъ не считается...

